

Д. А. Вилинский

Перед облавой

Русский охотничий рассказ / Сост., авт. предисл. и примеч. М. М. Одесская.-- М.: Советская Россия, 1991.

[OCR Бычков М. Н.](#)

По народу толки, да толки --

Одолели волки, да волки...

Сделали облаву, облаву --

Выпили на славу, на славу...

Одно слово "облава" на хищного зверя имеет в себе что-то заманчивое для каждого мало-мальски знакомого с ружьем, не говоря уже про истинных охотников. Хотя горький опыт научил настоящих охотников тому убеждению, что наши облавы истребляют гораздо больше самых невиннейших животных, чем хищных зверей, однако есть все-таки что-то притягивающее в облаве: мало веришь в удачу, а между тем этого желанного дня не променяешь ни на какую самую верную охоту. Тянет ли человека в общество себе подобных или до того уж сильна в нем ненависть к хищному зверю, не умею объяснить, но знаю, что облавы не пропустит ни один охотник и употребит все возможное, чтобы побывать на ней. Досадно одно только, что все хлопоты и труды, соединенные кроме того с издержками, пропадают чаще всего задаром. Придумывается все так хорошо, а начнут делать дело, и выпадает оно из рук, и ахнуть не успеешь... а все оттого, что задним умом крепок русский человек.

Много раз бывал я на облавах в течение 6 лет моей охотничьей жизни, и результаты этих облав так живо сохранились в моей памяти и записной книжке, что мне, честное слово, как охотнику, совестно и рассказывать про них...

Сделали облаву, облаву --
Выпили на славу, на славу!..

А все-таки даже вовсе не пьющий человек с большим удовольствием делается участником облавы и спешит на нее с самыми живыми надеждами... Кто виноват, что эти надежды разлетаются, как мыльные пузыри? "Авось", один "авоська" да родной братец его задний ум русского человека...

"Облава, в среду облава",-- так и гремит из уст в уста по городу... "Где, что, как?" -- сыплются отовсюду вопросы...

"В среду поеду волков душить",-- говорит между разговором своему знакомому учитель местной гимназии, и говорит с такой самоуверенностью, что тот, пожалуй, готов у него выпросить тут же один из хвостов тех злополучных зверей, которых в среду собирается передушить Александр Андреевич.

Лакеи разных лиц и личностей тащат запыленные двустволки к единому в городе оружейнику для чистки и смазки.

Заседатель какого-то суда, молоденький, завитой, что называется, расфуфыренный, бежит, сломя голову, к начальнику инвалидной команды ружьецо попросить, и сей начальник из немцев, кстати и некстати прикладывающий к каждому слово "с", чтобы оно, значит, выходило более auf russisch, и для пущей важности дающий почувствовать всем и каждому, что он, майор и некоторым образом "комендант" города, снабжает заседателя ружьем, а тот, вечером сидя в гостях у почтмейстера, с особенной грустью при "ногоболтающем" настроении, как выражается про него приятель мой Панков, рассказывает дочке хозяина Марье Сергеевне, что вот он в среду едет на облаву и что, может быть, не возвратится, так как волк зверь кровожадный, а волков на облаве видимо-невидимо! на то, дескать, и облава... Впрочем, выражает он, Марья Сергеевна благословит его на подвиг и тогда...

Марья Сергеевна, понятно, ужасается отчаянной храбрости завитого вздыхателя и даже немного